

В литературном институте имени А. М. Горького осуществлён выпуск сборника рассказов. В эту книгу вошли три рассказа нашего земляка, прозаика, слушателя Высших литературных курсов Владимира Самородова.

В этой связи нам показалось любопытным мнение писателя Евгения Попова, который является руководителем (мастером) у Владимира Самородова, по поводу этого сборника.

Если кто-то ещё не заметил, время сильно изменилось. Хорошо это или наоборот, каждый бывший гражданин бывшей страны СССР решает самостоятельно. Литинститут, куда меня при Советах дважды не приняли, сейчас является одним из лучших русских гуманитарных вузов, где учат не только читать, но и профессионально писать ТО, ЧТО ХОЧЕШЬ. Ибо цензура и единомыслие официально запрещены в нашей стране соответствующими статьями Конституции РФ, и если кто-то эти статьи нарушает, то это его дело, потому что живём мы, разумеется, не на облаке и полумыслях у нас хватает. Свидетельство: для авторов этого сборника Россия родная страна со всеми её, как писал Василий Аксёнов в послесловии к моей первой книге, «отчёлыми мерзотами и таинственными воспариениями». НАША, а вовсе не «ЭТА». И любовь есть стержень нашей русской цивилизации, о чём свидетельствует всё наше признанное разумных человечеством искусство. Великолепно, что Литинститут заботится не только о зелёной молодёжи, но и об этих людях, обладающих немалым жизненным опытом и талантами, здорово. Они настоящие писатели, и каждый из них имеет шанс стать литератором не только хорошим, но и выдающимся. Разумеется, в писательских делах это не только от усердия зависит, но и от данного Богом таланта, но в Литинституте неталантливых не принимают. Запомните эти имена и фамилии: Татьяна Гржибовская, Ольга Зюкина, Олег Маслов, Игорь Орлов, Владимир Самородов, Анна Сапожникова, Наталья Суворова, Анатолий Трофимов.

Запомните! Авось пригодится!

Евгений Попов.
Москва, 21 февраля 2025 г.

РАССКАЗ – газета 12+

№ 23 2025 г.

Издаётся с 1991 года

Фото Павла Васильева.

**2025 ГОД —
225 ЛЕТ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
БОЛЬШОГО
РУССКОГО
ПОЭТА
ЕВГЕНИЯ
БОРАТЬИНСКОГО**

**ОН НИКОГДА
НЕ УГОЖДАЛ
ПУБЛИКЕ,
ПИСАЛ О ТОМ,
ЧТО ВОЛНОВАЛО
ЕГО ГЛУБОКО,
ПОЭТУМУ
ВОСТРЕБОВАН
И СЕГОДНЯ
В НАШЕМ
МЕРКАНТИЛЬНОМ
МИРЕ**

ГОСТЬ НОМЕРА

Он вырывал самокат из рук, надувал куртку на спине пузырём, забрасывал колючие песчинки в глаза, вызывал слёзы, которые скапливали глаза, шумел, как шторм на море, когда нельзя купаться, — этот разгульный вязавшийся ветер. Катить самокат навстречу его напору в сто раз труднее, чем когда он тебя подгоняет, зато мышицы напрягаются и работают, как на тренировке по борьбе. И чувствуешь себя сильным. Но вот мама... Мама шла за Дёмой пешком, без самоката. Она, такая нежная и лёгкая, сопротивлялась напору ветра, отставала, поворачивалась то боком, то спиной, прятала лицо, двигалась маленькими шажками, а ветренца крутился вокруг неё выронив и будто хотел подхватить и потащить за собой, как ветки, прошлогодние листья и обрывки бумаги.

— Мама! Я боюсь, что тебя унесёт этот ужасный ветер! — обернулся в очередной раз Дёма.

Но мама не услышала. Ветер гудел и заглушил её голос, а мама закрыла ладонями уши, потому что на её куртке не было капюшона и шапку она ни надела, ведь снег растаял.

Зато услышал брат Артём. Он старше, он уже два года в школе отучился, а Дёму мама с папой ещё только собираются отдать в нулевой класс. Артёма на самокате катается как вихрь, его руки крепкие, ноги накачанные и быстрые. Тренер по борьбе всем ставит брата в пример. А из медалей на победах в соревнованиях бабушка сотворила щиту на окно в их комнате, подвесив на ленточках к карнизу. Медали — с блеском от чашечек, из которых бабушка по утрам кофе пьёт, золотые и серебряные, звенят и сверкают, когда их колышет ветер, прыгая через приоткрытое окно. Красиво.

Артём крикнул:

— Дурак! Мама не пушинка! Никуда её не унесёт! — обхеял на самокате вокруг младшего брата и помчался во весь дух дальше, по дорожке, выложенной плиткой.

Дёма было пустыни догонять брата, но всё равно, разогнавшись, тормозил, останавливал самокат, с опаской посмотрев на маму, ждал. Она такая красивая, как Дюймовочка. А злой ветер опять накидывается на неё, и она сбивается и останавливается, чтобы отдохнуть.

Но вот мама догнала Дёму и поравнялась с ним.

— Ну и ветер! Умереть можно! — восхликала она, перекрикивая шум ветра.

Умереть!

Такое слово Дёма слышал уже не раз. Но сейчас услышал по-другому. Мама может умереть. Это как? А как же он? Как он останется без мамы?

— Мама, что такое умереть?

Мама убрала ладошку с одного уха:

— А? Умереть? Ну, перестать видеть, дышать, ходить, есть. Ты же видел мёртвого голубя.

Дёма озадаченно посмотрел на маму и покачал самокат дальше, только удовольствием от катания почему-то куда-то пропало. Он ехал, а мысли крутились, как пыльные вихри на дорожке.

Да, Дёма видел голубя на снегу ещё раньше,

ВЕТЕР

ГРЖИБОВСКАЯ ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА. Родилась в г. Охе Сахалинской области. Живёт в г. Долгопрудном Московской области. Автор публикаций в журналах «Наш современник», «Российский колокол», Журнале «Поэты», альманахе «Долгие Пруды», приложении газеты «НГ-Exlibris», литературного сайта «Союз писателей 21-го века». Автор сборников стихов «По алфавиту», М., У Никитских ворот, 2019, «Две стихии. Память рисует картины», М., У Никитских ворот, 2022, историко-литературного издания «Поколение с сиренево», М., У Никитских ворот, 2020, романа-трагифарса «Господин исполнитель» в серии «101 прозаик 21 века», М., У Никитских ворот, 2020. Стихи переводились на немецкий, английский, болгарский, венгерский языки. Состоит в Союзе писателей России.

чтобы мама сказала, что она не умрёт, что он не умрёт. Значит, Артём не врёт! Можно было бы спросить у него, когда читали сказку, но Дёма не стал спрашивать, не хотел, чтобы брат опять посмеялся над ним или обозвал дураком. А мама просто пожалела его, как маленького? Думала, он забудет, думала, вывернётся из головы. А он не забыл. Не вывернулся. И вот оно рядом, это страшное и непонятное «мы все умрём», и руки холодают, становятся противно-мокрыми, и хочется плакать.

Дёма лежал с широко открытыми глазами и смотрел на потолок, где сталкивались бесформенные тени. Это струя ветра из окна шевелила висящие на лентах награды брата. Три слова — «мы все умрём» — сквозили его, как мороз сквозь того мёртвого голубя. «Ужасный день! Это всё ветер виноват. Лучше бы мы сегодня не катались на самокатах! — подумал Дёма с тоской. — Надо пойти к маме и про вёс её спросить».

Он вылез из-под одеяла, прокрался мимо кровати Артёма к выходу из спальни на цепочких — вдруг проснётся и не даст с мамой поговорить. Но брат поспал дальше и даже скрип открывавшейся двери ему был нипочём.

На кухне взрослые ужинали. Папа с аппетитом ел кашу листья салата и рассказывал про работу. Работа папы — лечить людей. Мама слушала папу, подперев голову кулаком. Вкусно пахло жареной корюшкой, бледо с золотистыми рыбками красовалось в центре стола. Бабушка вслух комментировала новости по телевизору, устроившись в кресле.

— О! Сын! Привет! Что не спишь? — удивился папа, увидев Дёму. — Давай к нам, твои любимые огуречники. — Папа поднял миску с корюшкой. — Видишь?

— Дёмчик, ты не заболел? — оторвалась от телевизора бабушка, сняла очки и внимательно посмотрела на внучку.

— Иди сюда, малыш, — мама распахнула ему навстречу руки. — Иди, обними тебя.

Дёма побежал к маме, уткнулся в её колени, мамин уютный халат быстро впитал противные слёзы. Прошептал:

— Мама, мне надо тебе спросить...

— Спрашивай, малыш. Всё, что надо. — Она ласково гладила его по непослушному ёжику коротко стриженных волос.

Дёма глянул одним глазом на папу — папа подбадривающе кивнул головой:

— Спрашивай, Дёмчик.

Дёма повернулся к бабушке. Глаза бабушки добрые и понимающие:

— Расскажи, Дёмчик, что тебя тревожит, почему не спишь?

И Дёма решил.

— Сегодня Артём сказал, что мы все умрём. Это правда?

В животе — будто сосулы наглотались. Пусть все, бабушка, папа, мама, скажут, что это не неправда.

— Угу. Хороший вопрос, — покачал головой папа. — Сынок, ты у меня совсем взрослый стал. Прости, работай, не сразу заметил. Давай тогда по-взрослому.

Папа не шутил, Дёма это чувствовал.

— Сынок, люди умирают, да, когда жизнь прожита. Так её прожить надо! Вот нам с мамой надо вас с Артёмом до ума довести, выучить. А ещё дом надо достроить. А ещё меня каждый день ждут мои больные, я должен им помочь, чтобы они могли продолжить жить. — Папа помолчал. — А ты вот недавно говорил, что как вырастешь, так жениться. Не передумал ещё?

У Дёмы щёки загорелись. А папа улыбался и подмигивал ему, будто подбадривал. В груди у Дёмы потеплело, сердце застучало, он сам удивился, как смело ответил, громко, как если бы читал стихи:

— Нет, не забыл, я даже знаю, на ком жеюсь, на одной девочке. Только не скажу сейчас. Потому что она ещё не знает. И у нас будет пять детей.

— Ну вот, хорошее дело, — поддержал его папа. — Будем расти внуки. Так что помирать нам рановато, — папа встал из-за стола, подхватил Дёму на руки и поднял к потолку. — Задача номер один — вырасти, а расти, браток, во сне.

Папа поставил Дёму на пол, и он кинулся к бабушке, обхватил её за шею и поцеловал в тёплое мягкую щёку.

— Бабуличка, и ты так думаешь?

— Конечно! Вырастай и становись таким большим и сильным, как твой папа. А мы будем рядом, всегда поддержим в трудную минуту, а потом, глядишь, ты нам поможешь. Хорошо?

РАССКАЗ 12+

рошие дела всегда найдутся. Вот, например, в саду клубнику собираять пора, поможешь? А там и яблочки поспеют. Вот и будет славно. Так что смерчушка пусть подождёт. Не до того. А когда уж срок придёт, мне не страшно — ты и Артёмка мое продолжение.

Бабушка погладила Дёму по спинке, как котёнка, и поцеловала в макушку. Ну уж если бабушка так говорит, то так и есть.

Дёма побежал к маме, забрался ей на коленки и ладошками обхватил мамину лицо. Глаза мамы в пущистых ресницах, искрятся, они никогда его не обманывают. Дёма прошептал:

— Мамочка, обними меня покрепче! Скажи, что Артёмка врал!

— Дёмочка, сначала ты мне скажи. Помнишь Коцеду Бессмертного?

— Коцеда? Конечно, помню! Сказка про Лягушку-царевну. К нему Василиса Прекрасная улетела. Кукушечкой обернулась. И что?

— Коцеда — Бессмертный, а чём сказка закончилась?

— Ну, Иван поймал утку, а в ней иголка, он кончик отломил, и...

— И? — в глазах мамы прыгала хитринка.

— Коцедо пришлось умереть...

— Во-от, Дёмочка! Ты сам всё сказал, всё живое когда-то умирает. Даже Бессмертный Коцеда.

Дёма широко раскрыл глаза.

— Ну да, а ещё царница, «восхищенья не снесла и к обедне умерла», — вспомнил он слова из «Сказки о мёртвой царевне и семи богатырях».

— Вот-вот. Жизнь заканчивается, а вот когда это будет — никто не знает заранее.

Папа подошёл к окну и открыл его настежь. С тёмного неба на Дёму смотрел нарождающийся месяц.

— Ветер, между прочим, закончился, и день тоже, — объяснил папа.

— Значит, Артёмка не врал, значит, мы умрём. Только неизвестно когда. Да-а... — подвигнула Дёму и сам удивился, что не заплакал. Ему вдруг невыносимо захотелось спать, и он ещё крепче прижался к маме.

— Сынок, ты всё правильно понял. Я хочу, чтобы ты знала, что много-много лет мы будем вместе, будем любить друг друга, читать книги, слушать музыку, выигрывать соревнования, учиться, чтобы знать, как устроен мир и как следить его лучше, работать, чтобы приносить пользу другим людям, создавать красивые вещи...

— Угу, — согласился Дёма, вздохнул и закрыл глаза — голос мамы звучал размеренно и убаюкивал, будто колыбельная, а слова лечили его истощавшуюся за день душу.

— Ты говорил, что хочешь стать врачом, как папа, и я думаю, что вы вместе, будем любить друг друга, читать книги, слушать музыку, выигрывать соревнования, учиться, чтобы знать, как устроен мир и как следить его лучше, работать, чтобы приносить пользу другим людям, создавать красивые вещи...

Мама унесла Дёму в спальню и уложила в постель. Она ещё долго что-то нашептывала ему, сидя на кроватке, а Дёма уже крепко спал, успокоенный родным голосом и мамиными нежными руками.

29 мая 2024 года.

НАШИ ПАРТНЁРЫ: Адвокатское бюро «Селиверстов и партнёры», Торговое предприятие «Моя книга».

ВЛАДИМИР САМОРОДОВ

ЗАБЫТЫЙ БАЯН

Сквозь сон я услышал звуки старой мелодии. Приоткрыл глаза, увидел белый лунный свет в пластмассовом окне нашей палатки и почувствовал, прежде чем утвердиться в этом левой рукой, что супруг нет рядом. С другой стороны, уставшие сыновья, тихо улыбаясь, спали.

Бес покойные мысли пробежали у меня в голове, но сонное состояние смигло внезапное волнение. Да и что таинственное, всегда она волновалась за нас, так что я почти забыл, как это делать. Не понимая, что происходит, попытался опять заснуть, но ночной прохладный воздух, идущий с моря, и музыкальные переливы не оставили мне шанса. Надев шлёпки и шорты, немного повозившись с замком палатки, аккуратно застегнутым под песок, я всё же выбрали на ночной берег.

Сонная голова пьянила от непривычного простора, а тело приятно побаливало от дневного загара. Волны нагоняли солёный морской воздух. Белая полная луна мягко стелила свет на пустынnyй дикий берег. Я пошёл навстречу луне и звучавшей мелодии, вслушиваясь в неё, такую знакомую и забытую. Тёплый песок глушил мои шаги. Присев, я взял его в горсти и стал смотреть и слушать. Он уходил из моих рук, а я брал её. Теперь я отчётливо видел её, сидящую в купальнике и резиновых тапочках на раскладной нашей старой деревянной табуретке, крепко держащую в руках баян, плавно сжимающую и разжимающую его. Сильные противняющие басы и короткие мелодичные переливы аккордов вновь и вновь рождали старинный вальс. В её стати не было страха перед луной и морем, не было со-

мнения в пальцах, перебирающих длинные ряды клавиш и маленькие круглые кнопочки старенько «Этюда».

«Таня, ты ли это?» — подумал я. Да, она смотрела на чёрное море и белую луну, окружённую звёздами, и играла на баяне. На том самом, который нам подарили родители на свадьбу. Один из гостей с её стороны, которого все звали казаком, чуть не испортил нам свадьбу, сильно напившись, и, радовавшийся происходящему, он тогда что-то говорил про силу русских людей... Его никто не слушал, а я был внутренне надменен в тот час и не смог разделить его открытой радости баяну, но моя память взяла его к себе вместе с музыкой. Мне потом говорили, что он воевал, извиняясь за его поведение. Казак уже давно умер, а печаль только сейчас настигла меня, поглотив маленькие старые обиды.

Я совсем забыл, что этот баян у нас есть и она умеет играть, даже окончила музыкальную школу в небольшом городке нашего такого дальнего и родного областного центра. Я никогда не понимал, зачем родители отдали её учиться играть на баяне.

А она всё играла, её короткая ножка в шлёпапанце в такт отстукивала по песку, выдавливая под ним воду с пеной, мышка то напрягалась, то расслаблялась, как бы общаясь с землёй. Её длинные волосы, заплетённые в русскую косу и убранные за плечо, обнажали спину, которая казалась такой широка из-за лямок музыкального инструмента. Я этого совсем не замечал раньше, а ведь она никогда не была в парикмахерской и подстригает их сама, просто ровно отстригает себе волосы, так сложно поверить.

Не красит их! На море не загорает, у неё много родников, ей запрещено длительное пребывание на открытом солнце, поэтому она любит ночное море и так ждала луны.

Мне казалась странным происходящее, но теперь совсем нет, мне давно не было так хорошо, цыганы подпевали баяну из кустов, а море дышало с другой стороны. Я смотрел на небо, в нём проявилась Большая Медведица, как будто от проливающейся музыки, которая раскатывалась, слышалась сейчас совсем по-другому, каждая нота, каждый новый музыкальный поворот, я смотрел на небо и наивно ждал падения звезды. В это время мне показалось, что она начала тихо, волнисто напевать. Но голос был не похож на обычный, то слышался колыбельный протяжный женский голос, то двоился и троился, переплетаясь в голоса родителей, дедушки, бабушки, сыновей, казака... соединялся ввой, уходящий в небо.

О, как холодно, до мурашек, мне было в эти секунды в августовскую ночь. И этот холод так успокаивал воспалённую голову и сердце. Казалось, что луна внимала музыке и хотела, чтобы мы сегодня вышли к ней, такой одинокой, такой далёкой и загадочной, такой похожей на нас.

Это место было настолько безлюдным и диким, что я сначала, когда мы приехали, побоялся здесь остаться, но супруга успокоила меня, и действительно, как оказалось, мы совсем немного не доехали до основного пляжа Евпатории. Сейчас там, в нескользких километрах, на окаёмке земли виднелись огни и начальная жизнь старого города. Мне думалось, что там жили люди тысячи лет. Мне не верилось, что мы приехали опять сюда, на этот полуостров, но уже с двумя сыновьями.

Ана Сапонникова, г. Санкт-Петербург.

Они — такие буйные, белобрысые — слышат эту музыку.

Я смотрел на неё и не мог оторваться. Баян так близко прикасался к её груди и радостно звучал, что я начал ревновать. Неужели я так легко забыл его музыку после свадьбы, баян был совсем не нужен в нашей практической жизни. Занимал угол кладовой маленькой городской квартиры, лежал забытым, беззаботным.

Подул прохладный ветер, и волна, идущая на меня, должна была намочить мои шорты и обрызгать тело. Я посмотрел на неё. Волна обня-

ла женские ноги, и брызги попали на баян. Так хочется, чтобы он не переставал звучать. На мгновение мне стало страшно, с какой лёгкостью я отпускаю все мелочные и практичные мысли, скапливающиеся столько лет и тянувшие меня к земле, захламившие мою голову, в которой когда-то так свободно летали мечты.

Я привстал, и, почувствовав меня, она повернулась, широкое лицо с ровными округлыми щеками и большими глазами, такое родное, улыбнулось мне — я ответил. Баян не переставал звучать, и мы смотрели друг на друга, как и тогда.

СЕРГЕЙ ИШАНОВ

ЛЕТО В СТЕКЛЯННОЙ БАНКЕ

Паша дремал в летней кухне на старой тахте, а по его загорелому лицу скользил невесомой указкой пыльный занд. За окном звонками монетами пересыпались голоса друзей, где-то рядом родником звучал голос матери.

Воображаемый мир сна, казалось, застыл, как паук, кучающийся на невидимой нити над носом мальчика. Паша спал среди дрожащего зноя лета, запахом скошенной дедом травы и бабушкиных оладий. Непроизвольно шевелились пальцы его рук с чернозёмом под ногтями, сдвигались брови, а дыхание, сродни звукам паровоза, то ускорялось, то притормаживало, словно на полустанке.

Шарик разрыл себе яму под крыльцом, поёрзал в ней, словно примеряясь, и тоже засопел, дёрнув лапами во сне.

Шмель покружился у дверной занавески, распугал мух и улетел вовсю, а муравей-трудяга спешил сообщить своим приятелям об оставленной на столе клубнике с пышными боками. Там же стояли трёхлитровые стеклянные банки, наполненные солнцем, зонтиками укропа и огурцами, приготовленные к закрутке; на чистом полотенце разложены долмы свежего чеснока, листья хрена и чёрной смородины.

Тишина. Редкая птица в это время поднимается в голубое марево, и редкий человек пройдёт улицей с неприкрытой головой, держа путь к колоду.

Сейчас вся округа знает, что спит Паша, знает и девочка по соседству, остиженная под мальчиком, в коротеньком светлом платьице и не-послушных сандальях.

Дедушка с бабушкой лежали в зале, и, как Паша, они сопели...

Утром дед поднял внука, туман ещё густо лежал по низинам, а трава была мокрой и ходной.

Когда дед запрягал Марусю, незло матерясь, Паша рассматривал сонными глазами подсыревшую сеть с мухами, сплётённую между двумя кустами борщевика. Суетливо у ног тякала Шарик.

— Запрыгивай, мальец, — скомандовал дед.

Он бережно укрыл Пашку очииной, и они поспирели. Пахло лошадью и терпким табаком, дед с деревянным лицом и рубленным топором морщинами сидел сбоку, свесив ноги в пыльных кирзовых сапогах. Шарик радостно бежал рядом с темегой.

У плотины толпились и мычали коровы, щёлкали кнут и слышалась бидонный говор баб.

На ходу дед перекинулся несколькими фразами с пастухом, и выехал в поле, ударил вожжами по бокам лошади, та недовольно фыркнула и пошла рисью.

Голова Паши торчала из очиины. Дед сказал ему, что они поехали на «дело», а вот на какое, мальчик никак не мог понять, ведь все дела остались дома.

— Держись, Пашка! — крикнул дед. — Сейчас обрывы будем проезжать. Много здесь с пьяных глаз попадало повозок, а нам того не грозит. Эх... Маруся, аккуратнее, держи прямее!

По обе стороны Паша увидел глубокие овраги, его взгляд не ощутил дна — внизу гостевал густой туман.

Фото Алексея Григорьева

— Ничё, я тут с закрытыми глазами проеду, да и Маруся мои наизусть всё знает! А там дальше Валькино болото. Девка такая была в старину, утонула из-за того, что замуж родители силаком хотели отдать, а она, значит, другого любила, и так любовь была, что водой не разольешь, но отец её наставил на другом женихе, партию ему та выгодна была, — разговорился дед.

Когда миновала плотину, дед сказал, что «в его детстве здесь кипели волки, и спасу от них не было».

— Когда я в свою пору с отцом ездил, то он с собой руки брал. Ведь волки не раз на лошадь нападения делали, а то и могли и на человека. Такие дела были. А я и сейчас по привычке его беру, оно под сеном у твоих ног лежит.

До этого Паша не мог догадаться, что ему всю дорогу мешает. Он наклонился и нащупал под соломой холодные трубы дувствовки. И от этой тайны душа его затрепетала, будто у бывшего охотника.

Внешне показался скопец, величаво раскинув крылья, он казался неподвижным.

— Мышикует, — сказал дед, — гордая птица, как орёл.

За плотиной ровными рядами ширилось поле подсолнечника, но щепки отвернулись от проезжающих, ловя робкое тепло поднимающееся солнца.

Потом дорога свернула и склонулась в зарослях подсолнечника. Паше казалось, что конца и края нет этому полю, но вскоре он увидел посадки, а за ними и пасеку.

Шарик для приличия зарычал при виде четвероногого лохматого сторожа пасеки, но быстро разомлев и принял вилять хвостом.

— Ох, мать моя, встретились! — Услышав шум, вышел к гостям двоюродный брат деда Матвей.

Но как лучше называть этого заспанного пасечника — дедом или дядей, Паша ещё не определился.

— Слезай, малой, пойдём мёдом угощу.

Они прокрались в вагончику мимо дрожащих ульев. Завизжал Шарик, который бросился под телегу и больше из-под неё не вылезал.

— Не боись, малой, они своих не кусают, — раздался звук деда Матвей, открывая дверь своего летнего жилища.

Внутри вагончика стоял синий воздух. В уду торопился топчан, накрытый очииной, рядом — вешалка с тряпьем и кепкой. Буржуяка с набитым поленями ртом медленно тягала, томи, чёрный чайник. На полу от лёгкого сквозняка шелестела солома. У окна стояла столик, на нём под газетой подсыпал кусок хлеба, а рядом стояла глубокая тарелка, на которой Паша успел рассмотреть муху. Другая тарелка была накрыта крашкой от кастрюли.

Дед Матвей приподнял крашку, и Паша увидел пузырчатую янтарную вязь, в которой тонули первые лучи солнца, краяшки, ножки пчёл и кусочки перги.

Мальчик то опускал, то поднимал небольшую деревянную ложку вверх, наблюдая, как мёд с неё тяжело стекал, образуя ещё большие пузырьков в пахучем и густом веществе, как к жёлтой нитке прилипает луч солнца, который пробивался сквозь мутное окно вагончика.

Дед достал из рюкзака несколько свёртков, часть из них он передал брату, а маленький, где лежали бабушкины оладьи, развернулся и положил перед внуком.

Дед то и дело пил из стакана воду и почему-то морщился, нарезая охотничим ножом большие куски сала, Паша, поглядывая на него, тоже кривился, нехотя поедая оладьи с мёдом, но поели все.

— Бывай, — попрощался дед с братом и дёрнув вожжами. Обиженный Шарик выскочил из-под телеги, но дорогой развеселился, поднимаясь на воробьёв с подсолнухов.

Раз Шарик испугался стаю куропаток, дед встремнулся, нащупав под соломой ружьё, но поздно — птицы вихрем, со свистом сделали малый крюк и опустились неподалёку в поле.

— Ах ты балбес, Шарик, и от тебя толк есть, но извини, не успел я, — развеселился дед.

Показалось кукурузное поле, дед натянул вожжи и медленно заехал в посадки, скрыв в них телегу и лошадь.

— Вот оно дело, о котором тебе говорил, будем воровать кукурузу, а потом траву скосим и забросаем её.

Дед достал кусок, потрогал лезвие большим пальцем и принялся рубить растения. Потом он сложил кукурузу на телеге так, чтобы за борт не вывалилась ни одна лист.

— Пошли, пошли, Маруся, — дед, довольный уловом, потопрал лошадь.

Паша, сидя на телеге, оторвал краешек из земли и медленно заехал в посадки, скрыв в них телегу и лошадь.

Доехали до балки. По высокой и густой траве было трудно идти. Дед принял косой пролёг и продолжал вилять хвостом.

— Этот овраг «пьяница» называется, — сказал он, вытирая пот со лба огрубевшей ладонью. — Кто и когда его так назвал, до сих пор неизвестно.

Гляди, вон там земляники, иди пока поковысяйся, а я щёлк — и грузить.

Сидеть на возве Пашке понравилось, здесь хороший обзор, и он выше деда. А когда он слез с телеги и шёл рядом, то Пашка оказывался выше лошади, только вот страшновато покачивало из стороны в сторону.

Вдали блеснули крыши домов и вновь вспыхнули подсолнухи, значит, скоро будет Валькино болото и страшная переправа, где и земли с плодами не видно. Но дед умел прёвл лошадь, а Паша с опаской опять посмотрел в глубокий овраг, в котором после тумана показалась маленькая речушка. Поросшая камышом, она казалась змейкой.

Наконец-то добрались до дома. Шарик, налакавшись воды, упал у крыльца, часто дыша, высунув мокрый язык.

ЛИЦЕЙ № 21 – ВЧЕРА И СЕГОДНЯ!

Вкладка в нынешний номер «Рассказ-газеты» посвящена лицей № 21. Его история восходит к XIX веку, когда в южной части Тамбова возникла Варваринская церковь. При ней размещалась в одноэтажном доме одноклассная школа с двухлетним сроком обучения... В этой школе, а теперь лицее, работали и сегодня трудятся прекрасные учителя, которые, в сущности, определяют его престиж и высокий уровень. Сегодня МАОУ «Лицей № 21» возглавляет выпускница этой образовательной организации Вера Георгиевна Рудник:

— Наш лицей имеет богатую историю, прекрасные традиции, но при этом мы никогда не останавливаемся в своём развитии, ищем творческие решения в организации учебного процесса. Современная история лицея начинается в 1990-е годы, когда в нашей стране и регионе произошли колоссальные социально-экономические перемены. В те годы органы внутренних дел испытывали существенную потребность в высококвалифицированных специалистах. Поэтому совместно с УВД Тамбовской области в наших стенах были созданы специализированные классы с углублённым изучением основ юридической и специальной подготовки по профилю юридической службы. С тех пор юридическое направление образовательной деятельности для нас приоритетное.

С 1994 по 2014 год наша школа неоднократно меняла образовательный статус, начиная от школы-юридического лицея и заканчивая муниципальным автономным общеобразовательным учреждением «Лицей № 21».

По итогам независимого анализа образовательных результатов, проведенного Московским центром непрерывного математического образования лицеи № 21 был включен в рейтинг: в 2013, 2014 году в ТОП-500 лучших образовательных организаций; в 2016, 2017 годах в Топ-100 общеобразовательных учреждений социально-экономического профиля и социально-гуманитарного профиля;

— в 2017 году в ТОП-200 общеобразовательных организаций, обеспечивающих высокие возможности развития способностей учащихся.

На уровне среднего общего образования образовательная деятельность в лицее организована на основе индивидуальных учебных планов. Наибольшее число учащихся 10-11 классов изучают на углубленном уровне предметы «История», «Общество-знание».

На базе нашего лицея работает городской ресурсный центр правового образования. Он проводит образовательные мероприятия как для наших учащихся, так и для школьников других школ города Тамбова. Чтобы учащимся было интересно, мероприятия проводятся в виде интеллектуального состязания. На этапе подготовки ребята серёзно готовятся по теме, которую предполагается обсудить в рамках очередного заседания.

У городского ресурсного центра образовались устойчивые связи с государственными и общественными организациями, занимающимися проблемами правового просвещения граждан, а также с Избирательной комиссией Тамбовской области.

В рамках деятельности ресурсного центра педагоги лицея знакомят лицензиатов с избирательной системой Российской Федерации, а творческие конкурсы в рамках этого сотрудничества позволяют детально освоить алгоритм избирательного процесса.

Наши ребята посещают кружок по праву на базе юридического института ТГГУ. Каждый выбирает тему для исследования, осуществляется анализ правовых ситуаций, выступает на конференциях...

В Тамбовской областной научной библиотеке им. А. С. Пушкина реализуется информационно-образовательный проект «ПравОриентир». Наши ребята с интересом принимали в нем участие.

Следует сказать ещё и о том, что наши лицензиаты не только участвуют в различных олимпиадах по избирательному процессу, но и становятся победителями и призерами Заключительного этапа Всероссийской олимпиады по избирательному праву и избирательному процессу «Софиум». Так в 2025 году победителем Всероссийской олимпиады школьников «Софиум» стала Ампилова Анастасия, а призером олимпиады третьей степени стал Шуняев Максим, учащийся 10 класса.

Наши ребята принимают участие не только в образовательных олимпиадах и конкурсах, но и в спортивных состязаниях, занимаются литературным творчеством...

«СЧАСТЛИВЫЕ ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ»

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА КОЧЕТОВА (АРТЁМИНА) В ЭТОМ ГОДУ ОТМЕЧАЕТ 70 ЛЕТ СО ДНЯ ВЫПУСКА СВОЕГО РОДНОГО КЛАССА ШКОЛЫ № 21

Директор школы Ольга Дмитриевна Дорохова (в центре), учитель русского языка и литературы Александр Васильевич Сохраний (справа), учитель математики Екатерина Андреевна Григорьева (слева). Верхний ряд (вторая справа) Валентина Кочетова (Артемина).

Сегодня, наверное, трудно представить, но когда-то мальчики и девочки раздельно учились в школах. Эта традиция была унаследована из дореволюционной России. Нужно отметить, что подобных традиций было немало в советской школе, просто это воспринималось как само собой разумеющееся, что-то весьма обыденное и привычное.

Подкормить. Без преувеличения могу сказать, что школа меня сформировала как личность, она, действительно, стала для меня вторым домом. Учеба, занятия в кружках, общественная нагрузка, даже работа на нашем пришкольном садовом участке — все мне было в радость и в удовольствие. Я просто бежала в школу, там всегда было интересно! — говорит Валентина Иванова.

С невероятной теплотой и любовью Валентина Ивановна вспоминает о своей первой учительнице Варваре Дмитриевне Быстровой. Так сложилось, что во втором классе она стала учиться у Людмилы Михайловны Корчагиной. Педагоги были разными по характеру, возрасту, темпераменту, но в них органично сочетались педагогическая строгость и человеколюбие, душевность.

Детей трудно обмануть, они, не имея жизненного опыта, все равно весьма чувствительны, безошибочно улавливают отношение к ним взрослых людей. И не случайно в старших классах учительницу математики Екатерину Андреевну Григорьеву называли — «Екатерина Великая». Она никогда не подавляла, а, напротив, окрыляла учеников, добивалась, чтобы каждый школьник усвоил ту или иную тему, и только потом переходила к новой теме.

А Любовь Васильевна Берестова, учитель русского языка и литературы, превосходно читала Маяковского.

«Девочки всегда просили еще и еще почитать вслух стихи Маяковского. Согласитесь, трудно полюбить этого поэта революции, но благодаря Любови Васильевне, мы полюбили Маяковского на всю жизнь», — говорит Валентина Ивановна.

Интересно, что внучка Валентины Ивановны называли в честь поэта Владимиром.

Нельзя обойти вниманием ещё одного неординарного педагога. Одно время русский язык и литературу у девочек выпуска 1955 года преподавал Александр Васильевич Сохраний.

Жители нашего края он еще известен как краевед, собиратель фольклора, автор сборника «Легенды и предания Тамбовского края». Эта книга сегодня пользуется особой популярностью у любителей «преданий старины глубокой». Мало кто знает, что он был из семья священника. Начиная с 1907 года, педагог серьезно увлекался краеведением, состоя в Тамбовском археологическом обществе. Некоторые результаты своих исследований Александр Васильевич публиковал в столичных журналах.

А сколько восторженных слов я услышал от Валентины Ивановны об учитель английского языка Михаиле Петровиче Волконском. У него также непростая судьба. Потомок декабриста и его супруга Кира Георгиевна перебрались в Тамбов в 1949 году. В конце сороковых годов некоторые русские эмигранты решили вернуться на Родину. Семья Волконских, не получив разрешения обосноваться в крупных городах, выбрала Тамбов: Михаил Петрович еще до революции был здесь и сохранил о нашем городе добрую память.

Я очень многим обязана своим учителям, которые не только терпеливо и настойчиво учили нас, они еще старались вложить в нас все хорошее. Время показывает, что одних знаний мало, важно воспитать хорошего человека с гражданской позицией. Учителя часто приходили к нам домой: интересовались нашей жизнью, даже советовали родителям, чем нас

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Л. Б. Дымова,
выпускница школы № 21,
работала в родной школе
учителем математики
и завучем.

“

Я пошла в первый класс 1 сентября 1958 года. В мае сделали фотографию, на которой я рядом с Дороховой О. Д. Она была очень строгая. Всегда в костюме, блузке, обязательно брошь и пенсне. Высокая, статная, стройная. Она мне казалась человеком, закончившим гимназию или Институт благородных девиц. Я была очень маленькой, но хорошо помню, что, когда директор шла по коридору, все вытягивались в струнку.

Запомнился учитель русского языка и литературы Сергей Андреевич Саблин. У него было прозвище «Артист». Ставил настоящие спектакли с декорациями, костюмами по произведениям А. Н. Островского, А. П. Чехова, И. С. Тургенева. Мы были зрителями.

Т. С. Капустина,
учитель английского языка.
Выпускница школы № 21.
В первый класс пошла в 1956
году. Работала в родной школе
завучем начальных классов.

“

Когда мы должны были идти в первый класс, в школу пришла молодая и неопытная учительница Тихомирова И. С. Мы попадали к ней. Родители очень волновались, боялись, что она не справится, и хотели к опытному учителю. Тогда Ольга Дмитриевна сказала, что надо учиться у молодого учителя, потому что у молодых все получается лучше. Она продвигала молодежь.

Школа славилась художественной самодеятельностью. Работала тогда учительница музыки Жутеева Любовь Леонидовна. Она писала музыку сама и написала оперу «Кошкин дом» по одноименной сказке. Оперу поставили, и мы с ней гастролировали по школам. Я играла первого котенка. А Боря Герасимов — второго. (Борис Иванович Герасимов, педагог, доктор технических (1994) и экономических (1999) наук, профессор. П почётный работник высшего профессионального образования. До 2016 преподавал в Тамбовском институте химического машиностроения (ТГГУ), декан экономического факультета, заведующий кафедрой экономического анализа. В 2016 переехал на работу в Москву. Автор свыше двухсот научных трудов).

Запомнились гастроли в Суворовское училище (теперь это корпус ТГГУ). Суворовцы нас качали на руках. Хоры были огромные. Художественная самодеятельность занимала большое место в жизни школы и была высокого уровня.

Юлия Алексеевна Лёвишина
(1925-2009),
окончила школу № 21,
35 лет работала доцентом
кафедры литературы
Тамбовского государственного
педагогического института
(ТГУ им. Г. Р. Державина).

“

Любимым учителем по литературе был Вячеслав Михайлович Шермаркевич (ученики называли его «Вяч» — ред.). По-видимому, был он из поляков... Из слов моей тёти Анны я знала, что в городе в среде учительства Шермаркевича звали Златоустом он руководил методическим объединением учителей-словесников. Действительно, речь его была прекрасна, безу是比较но грамотна, без всякого акцента и диалектных особенностей, удивительно ясная — по отношению к нам, обожающим его учеников. Её любимая форма урока по литературе — лекция, а по русскому языку — беседа. Когда не просто что-то объясняется, а расчет делается на участие и учащихся в объяснении того или иного языкового явления.

«МОЙ ВЕК. МОЯ ИСТОРИЯ»

Книга «Моя век. Моя история» была выпущена 100-летию со дня рождения заслуженного работника культуры Российской Федерации, библиотекаря, художника, краеведа, поэта Нины Перегуд (23.12.1924—24.05.2006). Издание осуществлено «Тамбовским библиотечным обществом» при поддержке Министерства культуры Тамбовской области. Составители сборника — большой круг специалистов Тамбовской областной детской библиотеки, где она проработала 47 лет. В книге собраны стихи, статьи, мемуары, книжные иллюстрации, шаржи Перегуд, а также воспоминания её друзей. Можно сказать, что это еще один реверанс коллег Нине Фёдоровне. Нина Фёдоровна Перегуд — яркий пример такого служителя просвещения. Её образ — это не только напоминание о былом, сколько ориентир для будущего. Судьба Нины Перегуд была, увы, омрачена репрессиями. В 1941 году пятнадцатилетнюю девочку, которая училась в школе № 21, по ложному доносу арестовывают вместе с отцом. Расстрелят отца заменили десятью годами заключения. Нина провела пять лет в заключении. Об этом страшном периоде своей жизни она напишет в 1989 году. «Тамбовская правда» (сегодня — «Тамбовская жизнь») в нескольких апрельских номерах опубликовала её мемуары. И все же большую часть сборника занимают стихи Нины Перегуд. Мне почему-то кажется, что поэзия для Нины Фёдоровны не банальное увлечение, а тихое желание наполнить свою жизнь повышенным смыслом.

Стихотворение, посвященное однокласснице Юлии Левиной

ЮЛИЯ!

Возьми себе на память песню.
Она тебе напомнит враз
О школе, радостной, чудесной,
О том, как весел был наш класс.

Где б ни была ты — помни, Юля,
О нашем Вяче дорогом,
О Цне, сверкающей в идоле,
О нас, о классе, обо всём...

Представь, что снова ты в Тамбове
Сидишь за партой в тоске:
С тобой мы обе наготове,
Сейчас нас вызовут к доске.

А на контрольных, помниши, Юля?
Боюсь я, боюсь я, правильно или нет,
Тебя толкаю и шепчу я:
«Скорей, скорей пиши ответ!»

А помниши класс, уютный, тесный,
Где меж рядами не пройти?
Да, «девять Б» был класс чудесный,
Дружнее в мире не найти.

Учителей ты всех любила,
Забыть тебе о них нельзя.
А мы: Тамара, Любы, Мила,
А Воропаева, а я?

Года нас крепко всех сдружили,
Про побратимство не забудь!
Как хорошо всегда мы жили,
Сойдемся мы когда-нибудь?!

Война промчится, Юля, скоро,
В Тамбове встретимся опять.
И снова в чудной шумной школе
Учиться будем и... сдирать.

Борисов будет вешать карты
(Как самый длинный изо всех).
Опять перестановим парты,
Опять промчится в классах смех.

Пусть тесен будет класс и школа,
Зато в нас дружбы бьет волна!
Сойдется снова класс веселый,
Когда окончится война.

Так не забудь про класс любимый,
Прощай, подруга, добрый путь!
Все в нашем классе — побратимы.
Сойдемся мы когда-нибудь!

ТАТЬЯНА РОДИОНОВА, ПЕДАГОГ

Перевод стихотворения
Уитмена «О, капитан! Мой капитан!»

О, капитан! Мой капитан!
Окончен трудный путь.
С победой нам пора домой корабль
свой вернуть.
И близко порт. Колокола и возгласы
я слышу,
Пока бежит взгляд по знакомым
улицам и крышам.

Но сердце, сердце, сердце!
Под грудью — ураган.
На палубе передо мной —
Погибший капитан.

О, капитан! Мой капитан!
Вставайте, люди ждут!
Вставайте! Вам колокола
приветственно поют!
Для вас был поднят флаг,
для вас на берег вышли люди,
И вас они зовут, толкаясь
и полыхая грудью!

Вот, капитан, отец мой,
Моя рука для вас.
То сон, что ваше сердце
Не бьется в этот час!

Но капитан не отвечал
и лишь бледнел в молчанье.
В своем отце я не нашел ни пульса,
ни дыханья.
Корабль пришвартован был,
конец счастливый встретив.
В глазах людей он победил
лазурным часом этим!

Ликуй, народ! Встречай его!
А я в глухом бреду
Без капитана моего
По палубе иду.

КОРАБЛИК

Посвящается М. Ю. Лермонтову

Окошки пароходных глаз
Закрылись на мели...
Вы видели хотя бы раз,
Как тонут корабли?

Среди морских печальных льдов
Найдя себе приют,
Они на кладбище судов
В молчании идут.

Железо стонет тяжело,
Ломаются пластины.
Не заскрипит уже весло,
Не зашумят турбины.

Но есть в просторе диких волн
Кораблик молодой.
Не из железа сделан он,
А выведен строкой.

Не уголь и не пар его
Питают средь громад,
А утреннее зарево
И огненный закат.

Душевный сон далек ему,
Ведь он, забыв покой,
Любому одиночному
И бунтарю родной.

Лазурью потекут года,
А он, во имя бури,
Не перестанет никогда
Давать отпор лазури!

Не пропадет мой капитан
Из рубки рулевой,
И паруса могучий стан
Не будет взят волной!

ОСЕНЬ В ТАМБОВЕ

Тебя не любят в эту пору,
И всё же, знаешь, город мой,
Не поддавайся ты укору
И не туши огонь златой.

Нам в лужу наступить нетрудно,
И слякоть мы легко найдём

И будем долго, будем нудно
Браниться, стоя под дождём.

Автобус брызгами окатит,
Промочим ноги, заболеем...
И так весна была бы кстати!
Так летом ярче, зеленее!

Но не грусти о них, Тамбов.
Твои верхушки жёлтых клёнов
Родней мне будут миллионов
Июльских радужных цветов.

Рябины ягоды на ветках
В касанье тихом ветерка —
Веснушки солнечного света
На девичьих худых руках.

На Цне — холсты багряной сказки,
А в школах — бодрый персон.
Театр нам на Астраханской
Откроет заново сезон.

Пусть будет слякоть, будут лужи,
Пусть брызги бьют из-под колёс!
Бесчинства этой серой стужи
Не отпугнут осенних грёз.

И, в копны жёлтых снов ныряя,
Награждена за озорство:
Болею гриппом. И чихаю.
И это стоило того!

ЛЕНЬ

Страшный свой секрет открою:
Есть один грешок за мной.

Мне, вы знаете, порою

Лень пошевелить рукой.

Лень убрать носки с кровати,
В доме мебель протореть.
Я устала — так некстати,
Не поможет даже плеть.

Ну и что? Через минуту
Всё почишу, приберу,
Гору вымою посуды
Сквозь домашнюю хандру.

Не критично. И проходит.
Только в сердце холодней,
Когда вижу я в блокноте
Пустоту утёких дней.

«Вдохновенья нет!» — бывало,
Так оправдывалась я.
«Не о чем писать — и мало
Времени среди жития».

Из всего — одно правило:
Время никого не ждёт,
И сурово, и ревниво
Страшный счёт годам ведёт.

Мне вчера — всего пятнадцать,
А сегодня — двадцать два.
От стихов отвыкли пальцы,
Зачерствела голова.

На цветение природы,
На рождение весны,
На удачу и невзгоды
Я смотрю со стороны.

Лень пошевелить рукою
Мне, вы знаете, порою.
С тем и остаюсь — немою,
Незаметной и пустой.

Впрочем, и у лежебоки
Есть надежда сквозь унылость:
Всё-таки я эти строки
Написать не поленилась!

ИВА

Любимой Тропинке и иве,
растущей за ее окном.

Ива за окном встречает
Нас уже так много лет.
Я порой не сплю ночами,
Чтобы ей прочесть куплет!

Я люблю — по воскресеньям,
Взглядом причесав косы,
Выразительно, с весельем
Вслух читать страницы прозы.

Я люблю тот самый миг
Между утром и полуднем,
Когда жизни грузовик
Уж не кажется мне трудным.

И назло судьбе, строптиво,
Знаю я: когда умрёт,
То на месте этой иви
Заново росток взойдёт!

ДЕДУШКА

Памяти Владимира Николаевича Родионова

Не люблю больницы я.
Мы с тобой похожи в этом,
Как похожи лицами
И любовью детской к лету.

Мой товарищ. Мой двойник.
Лето скоро возвратится
Вкусом ягод-земляник,
Пением весёлой птицы.

Нос не вешай. Улыбнись,
Заключённый поневоле.
Мы должны стремиться ввысь
Соколами в чистом поле

И должны — пока живётся —
Жить — всем трудностям назло,
Пока светит в небе солнце
И даёт душе тепло.

И нельзя нам быть иначе,
Вот основа вывода:
Нет у нас другой задачи,
Нет другого выхода.

Дедушка, тебе желаю
Леску туже натянуть
И крючком с речного краю
Рыбе взбаламутить путь!

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ФОМИЧЕВА, ПЕДАГОГ

ПРОЩАНИЕ

Земля прощается с теплом
И жаждет насладиться солнцем,
И всем своим великим естеством
Лучами насыщается до донца.
И золото небес спускается в леса.
Вода прозрачная в раздумье
застывает.

Уставшая красавица-земля,
Любви изведав, засыпает.

ТВОРЧЕСТВО

Стихов я больше не пишу.
Такая блажь совсем не в радость.
Но, испытав тоску, пойму,
Что и забвенье нам на сладость.
Когда глаголы от всего
Меня на свете отвлекают,
Парю я в мыслях далеко
И сердце трепет обретает.
И вот сажаю я зерно,
И влагу для него собираю,
И слово верное, одно,
Иицу, плевелы отмелят.
И вот лелею я росток,
Пока смятенье не уаснет,
И вновь передо мной листок.
Пока что белый и бесстрастный.

МОЛЧАНИЕ

Я жду падения звезды,
Чтобы приблизить откровенье,
Зачем и для какой судьбы

Ее назначено паденье?

Я жду падения звезды
Одной, единственной, желанной,
И гаснет пламя суеты
Всей нашей жизни беспаланной.
Я жду падения звезды,
Как ждёт заката или рассвета.
Из дикой, гулкой высоты
Я знака жду или... ответа.
Я жду! Но космос молчалив,
А вечность вежливо учтива.
И звезды, бег остановив,
Душе не внемлют сиротливой.

БАБУШКА

Я помню: бабушка сказала,
Что с нею было все вчера:

Босой девчонкою бежала,
А оглянулась — не жила.
Я не поверила, что годы
Секундой могут пролететь,
Что есть такой закон природы:
Родившись, сразу постареть.

И мне казалась жизнь дорогой
Из бесконечных лет и зим.
И разве мир устроен сложно,
Когда мы весело глядим?

А бабушка на нас смотрела,
На внуков (счетом ровно шесть),
И вычисляла, что не худо б
На свадьбы наши посмотреть.
«В породе нашей не бывало

Такого счастья никому».

Не говорила, а вздыхала:

«Нет, видно, я не доживу».

Я помню, бабушка, все помни...

Ласкают нас твои глаза.

Но как же, бабушка, так вышло,

Что я как будто не жила?

Я вижу, как летят звезды,
Все за собой всплеск сжигая...

Зачем погибнуть ей пора?

Зачем она так умирает?

И никогда, и никогда

На небе ей не повториться...

Но если падает звезда,

Она надеется родиться!

ЕЛИЗАВЕТА ТУРЬЕВСКАЯ,
УЧНИЦА 6 КЛАССА «В» МАОУ «ЛИЦЕЙ № 21»

МАКСИМ

1.

В восьмидесятые годы многие мальчики собирали монеты и почтовые марки, некоторые предпочитали этикетки и военные пуговицы. Максим же коллекционировал бумажные деньги. Он находил, что через банкноту можно понять характер, достижения, а то и душу той или иной страны.

Однажды отец Максима принёс домой однодолларовую банкноту. Кто-то из коллег подарил ему, зная увлечение сына. В то время большинство людей никогда не видели эту диковинку. Максим был в восторге, и его коллекция сразу же задрала нос. Взрослые люди с нескрываемым интересом рассматривали эту зелёную бумагу.

С англо-русским словарём Максим перевёл все надписи на долларе. Из энциклопедии он узнал, кто изображён в чёрном овале с причёской, как у его учительницы музыки, вот только не смог понять, зачем на вершине пирамиды вместо камня пристроили чай-то газ, но без головы и тела. Он часто приносил свою коллекцию в школу, показывал её одноклассникам и даже учителям, а доллар вообще частенько носил с собой. Но повзрослев, Максим старался даже в руки не брать однодолларовые купюры...

2.

В последние годы существования Советского Союза во дворе Максима появился неизвестный. Эваку его Сашок, и было ему чуть больше тридцати лет. Дружил он с теми, кто давно вернулся из армии или кто уже работал, но по привычке искал компанию во дворе. Максим слышал от друзей, что Сашок сидел в тюрьме лет двенадцать или четырнадцать, а за что — не говорил.

Май в том году выдался теплым, и дети с нетерпением ждали летних каникул. Когда Максим гулял с друзьями во дворе, ему одноклассник тихо сказал: «Тебя Сашок просит подойти, вон он сидит там на лавочке».

Максим удивился. Было приятно — кто был намного старше, не общались с подростками, разве что могли шумнуть, если кто-то сильно орал, или спросить о чём-то незначительном.

Максим сразу почувствовал что-то нехорошее, но подошёл к Сашку.

— Присаживайся. Тебя, кажется, Максом зовут?

— Да, — ответил подросток и присел на скамейку.

— Слушай, Макс, ты, говорят, деньги собираешь, и у тебя есть американский рубль — долларом называется.

И Сашок как-то по-идиотски засмеялся.

— Но есть, — спокойно ответил Максим.

Максима часто взрослые люди спрашивали про коллекцию, но всегда бесцельно, а здесь его насторожил низкий тон Сашка.

— Ну вот и хорошо. Ты мне отдашь этот доллар.

— Я не могу.

Максим хотел было добавить, что доллар отцовский и он сразу узнает, но Сашок опередил его и продолжил.

— Знаешь, я давно за тобой наблюдаю, и ты мне не нравишься. Если доллара у меня не будет, то когда буду пьяным, то такую тебе жизнь устрою, что пожалеешь.

Лицо Сашка было жутким и каким-то отравленным, казалось, что из его коричневых глаз тинутся тощие цепкие ручонки и хотели схватить за грудки. От него веяло перегаром, а от вязаной кофты — прелой кошачьей мочой. Максим просто боялся смотреть на него и всё вздрагивался на дорогу, надеясь, что сейчас пойдёт кто-нибудь из родителей и его позовут или он сам вскочит и побежит к ним. Однако никого не было видно. Он понимал, что сейчас с ним происходит что-то страшное, но не знал, как это пресечь.

До этой минуты взрослые люди разговаривали с ним в присутствии родителей. Кто-то гостище ему принесёт и по головке погладит, а кто-то в комнате внимательно посмотрит на его книжки и про учёбу спросит. Да и Максима учили всегда уважать взрослых, не перечити им и быть вежливым. Конечно, бывало, что он огрызался и ссыпал грубыне в ответ, но угрозу настоящей расправы от человека, который на двадцать лет старше, ещё никого.

Как разговор закончился, он не помнил, но когда шёл по двору, то всё вокруг него изменилось, обесцвечивалось и становилось остройм.

Он как-то отрешённо рассказал друзьям, что сейчас произошло, но ничего делового в ответ не услышал. Уж больно пугали всех возраст Сашка, непонятные синие слова на руках и лицо страшнее, чем у чёрта.

До самого вечера Максим не выходил из своей комнаты, но чём дольше он думал, тем сильнее в нём пробуждалось что-то опасное, нестигаемое и жёсткое. Мальчик не представлял, как просто возвьёт и отдаст свой доллар взамен на покой прежней жизни.

Эти мысли не отпускали Максима, он чувствовал, как с каждым новым днём возрастало в нём какое-то неизмеримое противление злу, но при этом усиливалась и страх. Сначала он боялся за себя, представляя, как будет дома сидеть в бинтах, и почему-то был уверен, что когда об этом узнают его родители, то Сашок будет косяться перед ним на коленях и вымаливать прощение. На горести Сашка ему было наплевать, он же сам старательно сделал всё, чтобы

Фото Алексей Грибакин

его возненавидели, но вот родители... Он не мог позволить им пережить такой ужас, а слёзы матери для него были ужаснее всего.

Ещё мальчик представлял неизбежную встречу с Сашком и думал, как тогда поступить, что ему ответить.

Дома с плаката на Максима крепким мужским взглядом смотрел киногерой, который, только что положив очередную дюжину злодеев, дымил толстой сигарой и в накачанных руках держал мощный автомат. Сейчас он как бы обращался к Максиму: «Представь последствия, если бы ко мне подошёл такой Сашок?»

Максим сжал кулаки и решал: «Нет, не отдашь ему ничего».

И дело было вовсе не в долларе, а в интонации Сашка, как он произнёс свою угрозу вслух.

— Нельзя со мной так разговаривать, проще неизъяснимо со мной так разговаривать, никому не положено угрожать мне и требовать что-то безоротно принести. Как же я буду тогда дальше жить? Всё, что ли, из дома вынесу? Я много слышал про такие случаи. Нет, отстою своё, — нащёптывал Максим.

В этот момент он впервые услышал свой сердце.

«Если это повторится, то я его убью, точно убью», — успокаивал он сам себя.

И дальше решил, что как только Сашок потребует доллар, то он зайдёт с ним в подъезд, но из дома вернётся не с долларом, а с ножом, и за мусоропроводом беспощадно вонзит ему лезвие в брюхо.

У Максима был настоящий нож. Он даже чехол для него сделал с лямкой, чтобы крепить на ремне. Сейчас нож лежал в глубине шкафа, сразу за коробкой с медовыми орденами. Когда Максима привозили на дачу, то там он мог часами метать нож в бревна, добиваясь десяти попаданий из десяти, да так, чтобы острие не меньше чем на два пальца уходило вглубь дерева.

Бот ещё что беспокоило Максима. С друзьями он много времени проводил в подвале своей девятиэтажки. Там ребята оборудовали комнату, приспособив ящики из-под молочных бутылок для сидений, а на серые стены приклеили журнальные вырезки со спортсменами и певицами. Они даже провели туда свет и воду, без чая не обходилась ни одна посиделка. Когда он узнал, что Сашок бывал там с друзьями и выпивал, то понял: с Сашком там встречаться нельзя, это бетонная западня. Поэтому он решил подстраховаться — в чёрном кожухе водопроводной трубы под слоем стекловаты он спрятал запасной нож.

Через несколько дней он ощутил ещё один страх. Ещё задолго до появления Сашка на лавочке Максим знал его мать. Теперь он не представлял, как будет после «этого» проходить мимо неё, сможет ли взглянуть ей в глаза и что там увидит.

Он часто видел, как она, седая в простой одежонке, таскала сумки из магазина, развещивала бельё на балконе или разговаривала с соседками у подъезда.

РАССКАЗ-ГАЗЕТА

3.

Когда настали летние каникулы, Максим сразу же переехал жить на дачу. Ночами было ещё довольно прохладно и безлюдно, но не было так страшно, как дома. Своим родителям он сказал, что это нужно для самопознания и развития силы воли, и попросил не вмешиваться. Папа с мамой недоумевали, что произошло, вдруг их сын стал такой хозяйственным: огород вскопает, рассаду полей и ступеньки на крыльце отремонтирует. Когда же Максим был по делам в городе, то прежде, чем попасть домой, ждал неподалёку, когда отец поедет на автомобиле с работы. Он выходил на дорогу и останавливал его, чтобы приехать вместе с ним. Как раз именно в эти моменты Сашок сидел пьяный на детской площадке с нарисованными вокруг него зверятами и злобно ёрзкал на Максима, но по-доброй боялся.

Как-то раз в середине лета у школы Максим встретил приятеля из соседнего подъезда.

— Сашок спрашивает, куда ты пропал.

— Давно спрашивал³ — насторожился Максим.

— Да почти каждый день.

Дрожь пробежала по телу Максима, с сердца слетели лёгкие чувства, и ему показалось, что в этот миг он осунулся, он смог придумать только простейший ответ: «Скажи, что ты меня не видел».

И Максим зашагал прочь. Он вернулся на дачу и, дабы избежать помешательства, направил мысли на работу. Вот только работал он теперь иначе. Всюду он представлял Сашку и с ним воевал. Когда забивал гвоздь, то лупил молотком так, что оставляя на дереве ненужные вмятины, а мешки с грунтом не таскал, а зашивал точко в цель, словно хотел пришибить ими Сашку. Он стал увереннее вступать в беседы с дачниками и учиться шутить по-мужски, но при этом держать свой интерес в разговоре.

Однако ежедневный страх не покидал Максима, и тут он вспомнил, как тренер по борьбе рассказывал, как бороться со страхом. Максим тут же последовал его совету.

С наступлением сумерек он переплыval на лодке на другой берег реки и гулял по тёмному лесу. Здесь любо шевеление, треск или скрип сухой ветки вызывали такую жуть в сердце, что хотелось быстрее выбежать из темноты — и наутёк домой в постель. Но он держал себя в руках и шёл дальше, привыкал, успокаивался, а после и вовсе вспоминал шутки, анекдоты даже тихо смеялся.

Однажды в лесу, когда за деревьями исчезли огоньки дач, а верхушки деревьев наклонили ветер, он почувствовал, что кто-то идет ему навстречу. Впереди показалась высокая мрачная фигура в длинной одежде с капюшоном на голове. В этот момент время стало идти как-то иначе и мгновения заметно растянулись. Максим понимал, что незнакомец движется быстро, но ему почему-то позволялось видеть движения в мельчайших деталях. И если бы незнакомец потянулся за пазуху или намахнулся, то Максиму казалось, что он успеет как-то ответить.

«Нет, это не конец, всё обойдётся», — подсказывала интуиция.

Незнакомец приближался, его одежда была чернее леса, и как Максим ни глядывался в глубину капюшона, он не видел там лица. Шелестящий ветерок пробежался по руке Максима, когда тот промелькнул мимо него и бесценно исчез за темами деревьев. Максим потоптался выйти из леса и опомнился только в лодке, когда греб вёслами к своему берегу. Пересекая лунную дорожку, он вдруг остановился: сложил вёсла и замер. Здесь он ощущал, что весь его страх куда-то улетучился. Он уверенно стоял посреди реки под луной и звёздами, глубоко вдыхал ночь. И ничего, и главное — он никого не боялся. После этой загадочной встречи он как-то наладил отношения со своим страхом. Он научился им владеть и знать меру, мог смеяться, когда было действительно страшно, и это состояние ему нравилось больше, чем простое спокойствие.

После этого случая он всё-таки прекратил ночные прогулки. Зато стал чаще выходить перед сном на берег реки и смотреть вверх. Что-то подобное приходило на ум в эти минуты: ночью вселенная облачается и окутывает землю цветом тайн. Постыдай мысли звёздам, они мудры и всё дадут вовремя.

Как-то днём на траве перед дачей он тесал бревна для постройки бани. В это время проходил суховатый дедок с завёрнутыми рукавами рубашки, где на руках виделись старые расплывчатые наколки. Максим разобрал только одно слово — «Север». Дедок присел отдохнуть на бревно, закурил папиросу и пронялся рассекать Максиму о своей жизни. Лицо у него было грубое, как кора на бревнах, а глаза яркие и синие. Максим махал топором, поэтому не всё рассыпал, но сразу насторожил ухо, когда дед обронил фразу: «По неписаному закону взрослому придётся ответить, если он наехал на мальца».

Максим хотел рассказать деду свою историю и попросить совет, как ему поступить, но почему-то не смог этого сделать. В любом случае слова деда приятно понизили Сашку.

Когда пришла пора нового учебного года, домой к Максиму зашёл его знакомый из соседнего класса по кличке Джерри. Это был подросток, воспитанный в криминальной среде. Он

знал лично многих воротил в округе и обладал редкой для того времени предприимчивостью, говоривостью, а также располагал к себе упитанной и холёной мордой. Последнее время Джерри всё чаще наведывалась во двор к Максиму: шпана всего района полюбила это место.

Они вышли на площадку, и Джерри сказал: «Там Сашок пынью распрыгается, что ты ему доллар задолжал. Просил забрать его, иначе он сейчас сядет к тебе придёт».

Какой-то решительный холодок пробежался по телу и мыслам Максима. Отведя гостя подальше от входной двери к мусоропроводу, он произнёс: «Джерри, скажи, как есть. Если он придёт, я его убью».

— Ты что, прикалываешься?

— Я серьёзно говорю — если сюда сунется, здесь и завалю.

Максим действительно не врал, но и была в его словах последняя надежда, что Джерри как-то отговорит Сашку и тот образумится.

Джерри замолчал, отвёл глаза в сторону, о чём-то подумал и сказал: «Ни в коем случае этого не делай. За него уроки будут мстить и тебе, и семье. Да ты что, в самом деле, за доллар его порешишь?»

— Джерри, ты сам понимаешь, что дело не в деньгиах. Ты мне только скажи, зачем ему доллар так сильно понадобился?

— Зачем, зачем? Чтобы шпарам своим было что показать. Дай мне доллар. И живи с миром, я всё уляжу, мы же с тобой друзья. Ну ты меня, признаюсь, сильно удивил.

До этого момента у Максима ситуация решалась победой, а сейчас всё перекосилось и горизонт грядущих событий заметно менялся. Он представил, как несколько взрослых мужчин с тюремными наколками и ножами караулят его в подъезде, но главное — его близких.

Все прежние страхи показались несущественными перед новой неимоверно возросшей угрозой. Сейчас это была уже не личная опасность, а конец всему. Такого он не мог допустить и понимал, что с оправой урок одному ему не справиться.

Вытигив из коллекционного альбома зелёный доллар, он в последний раз им полюбовался и передал Джерри. Это было неделю сделать, но теперь он понял, что его жизнь начнёт новый отсчёт. Он делает всё, чтобы ни одна шиваль даже подумать не могла требовать от него что-нибудь.

Теперь Максим стал спокойно выходить из дома и, не глядя на Сашку, проходить мимо него. Однако через некоторое время Сашок широким жестом пригласил его на разноцветную детскую скамейку.

— Ну что, Макс, ты доллар когда мне отдашь?

Mихаил Юрьевич Прокушев очень не любил это жаргонное, по его мнению, слово — «фотка». Не нравилось оно ему. Не нравилось — и всё тут. Когда при нём кто-либо говорил кому-нибудь, например, «сфоткай меня», Прокушев морщился.

Неприятное, какое-тошлое слово, да и наконец просто скучное. Обыденность, серость, неприметностью веяло от этого слова...

То ли дело раньше, в прошлые времена... Тогда люди говорили уважительно — «фотография», или ещё лучше — «фотографическая карточка». Это сейчас все то и дело фотографируют друг друга на мобильные телефоны, делают все эти бесконечные «сэлфи», как будто и русских слов не стало...

Когда-то поход к фотографу был событием. Люди планировали его, готовились к нему, тщательно одевались в лучшие наряды свои, волновались и с нетерпением ожидали, когда же «вылетит птичка»... А потом, получив фотографическую карточку, долгие годы хранили её, помещали в альбом, она жила уже своей жизнью, напоминая о том, что было, что прошло и чего уже не стало.

Часто Михаил Юрьевич вспоминал пять альбомов своего деда. Когда Прокушев был мальчиком, то он подолгу жил в доме деда, затерявшись среди бескрайней уральской тайги. Вечерами мальчик доставал эти тёмно-коричневые альбомы из старой тумбочки, на которой стоял чёрно-белый «Рекорд», укладывал их тяжёлой стопой на столе, начинал медленно перелистывать. Один альбом был целиком посвящён деду, второй — бабушке, два других — тётушкам, сёстрам отца, последний — отцу, там же были мамин и его, Михаила Юрьевича, фото.

Какое это было интересное и вместе с тем умиротворяющее занятие...

За окном — наступающий летний вечер, ещё видны края гор, лес, вокруг тишина, в комнате уютно горит настольная лампа, мерцает экран телевизора, там что-то Зорин вещает о международном положении... Дед сидит на стуле, как всегда, прямо, бабушка — в кресле, открыла в который раз «Воспитание чувств» Флобера, немного сонно смотрит в экран и потихоньку задремывает...

А перед мальчиком — лица, лица... Конечно, больше всего ему нравятся военные — ладные, крепкие командиры Красной Армии в гимнастёрках, ловко перетянутые скрипучими ремнями, с кубарями и шпагами в петлицах. А вот и дед среди них — гимнастёрка, галифе, хромовые сапоги, в петлицах — шпала, значит, капитан. Надписи под фото говорили о дальних странах — Ташкент, Самарканд, Ашхабад, Бухара, Кушка... Даёлкое время, банды Джунайд-хана, бои с басмачами, граница. Как говорилось, меньше роты не дадут, дальше Кушки не сошлют...

Нравились и иные фотографии, это уже после войны, а особенно одно foto, где дед снят с братом Александром, оба сидят на венских стульях с гнутыми спинками в белых рубашках и галстуках, рукава смешно перетянуты резиночками, у Александра на носу весело поблескивает пенсне, а рядом кульманы с чертежами — инженеры...

Время пролетело быстро, ушёл дед, вместе с его уходом ушло детство и вся страна, и в однажды рассыпалась и их большая семья, где он, дед, был столом, основой, собирая под своим генеральским плащем многочисленных детей, внуков, внуки, их друзей и приятелей...

Прокушеву совсем недавно исполнилось 50, он не заметил этого, а время неудержимо летело дальше. Иногда он задумывался — многие мужчины уходят в 64, 65, это порог, а вдруг так — что же сделано, а что, собственно говоря, сделано?

Вечерами, возвратившись домой, устало сидя за столом в своём кабинете, Михаил Юрьевич перебирал деловые бумаги, иногда брал в руки книгу — чаще всего Лермонтова, пытался как-то привести свои мысли и чувства, взвихренные дневной суетой, в более нормальное состояние.

Перед ним на столе в коричневой рамочке стояла фотография — маленькая девочка в кокетливой шляпке и аккуратном пальто недоверчиво смотрит в объектив фотоаппарата, крепко держась за руку отца, красивого, как киноактёра, молодого человека с кудрявыми волосами и правильными чертами лица.

Смотря на них, на свою маленькую маму и молодого деда, Прокушев пе-

Из коллекции Михаила Юрьевича Прокушева.

чально задумывался над их судьбой...

Отец и дочь... Отец — сын помещика, лишенец, из сосланных, князь по происхождению и каким-то образом потом комсомолец, боевой офицер-лётчик во время войны, уйдёт из жизни совсем молодым, вдали от семьи, в Перми, а dochь выйдет замуж, родит сына... как сложатся их жизни, там, в этом тёмном подвалном ателье, она еще не знают...

С некоторого времени Михаил Юрьевич стал увлекаться собиранием фотографических карточек — по преимуществу чужих, изображающих совер-

шенною начала века двадцатого. Выбирал фотографии, повинувшись какому-то, ему самому, впрочем, не совсем понятному, тайному чувству личной симпатии.

Перед ним вереницей проходили настороженные крестьяне, немного испуганные маленькие гимназисты, бравые офицеры с орлиными взорами, самодовольные купцы, смиренные священники, вдохновленные поэты, нежные девушки, заботченные помещики, даже у фотографа думающие об урожае.

Прокушеву нравились эти образы прошлой, бывшей русской Атлантиды, ушедшего глубоко под воду Китеха, у него появились молчаливые собеседники, которые не надоедали, не докучали ему.

Михаил Юрьевич раскладывал фотографии на столе, медленно рассматривал

вал их, перебирал, качал головой, что-то шептал про себя, усмехаясь...

То он пленялся грациозной юной девушкой в белой шляпе, печально на него смотрящей, то весело смотрел на двух друзей чиновников в зелёных вицмундирах, то задумывался над судьбой молодого офицера-артиллериста в пенсне, нежно держащего за руку свою невесту...

Прокушев стал завсегдатаем интер-аукционов, где торговали всякой всячиной. В том числе и фотографическими карточками. Продажи здесь строились таким образом — выставлялась какая-нибудь фотография, обявлялась начальная сумма, которую покупатели старались «перебить» друг у друга, и в конечном итоге фотография доставалась самому щедрому.

Михаил Юрьевич, человек в общем-то неизящный, не на шутку увлёкся этой игрой, и даже в ущерб своему семейному бюджету, но трудно было остановиться, хотелось иметь эти фото, быть рядом с этими людьми...

И вот однажды, блуждая, так сказать, по лабиринтам фотоколлекций, Прокушев даже вскрикнул от удивления.

На него с экрана компьютера смотрел он сам, собственной персоной, только одетый в стиле начала двадцатого века — длинный серый сюртук, жилет, часы с цепочкой, стоячий белый воротничок.

Михаил Юрьевич вспомнил, что лет 10 тому назад он решил сходить в театр, на пьесу Уайлдса, и оделся, по своему собственному капризу, в стиле серебряного века, а придя к приятелю после, попросил его сфотографировать в таком

виде. Фотографическая карточка вышла престличная. Прокушев показал её маме, и она сказала, что тут он похож на своего прадеда, рязанского помещика, это фото мама видела девочкой, а потом, когда отец уехал в Пермь, фотографию забрал с собой.

И вот теперь перед ним — его же фото! Михаил Юрьевич был крайне поражён. Как оно попало в сеть? Зачем выставлено? Хотя понятно, зачем...

Он ринулся проверять альбомы... в нужном месте фотографии не было... Как? Кто мог ее взять? Тут Прокушев хлопнул себя по лбу и нервно засмеялся. Ах, разин! Да он же сам вынул из альбома фото и вставил его в рамочку, вот и оно, на книжной полке, рядом с сочинениями Гамсона...

Но тогда как же оно попало к продавцу? Однако Михаил Юрьевич решил отложить расследование на потом. Нужно было что-то делать, не оставлять же себя самого там, в бездонной паутине... Прокушев решился участвовать в торгах, чтобы выкупить фото.

Аукционная цена была установлена с одного рубля. Сначала Михаил Юрьевич делал сравнительно небольшие ставки, постепенно их увеличивая, вследствие чего незначительные соперники отстали. Прокушев уже успокоился и торжествовал победу. Однако внезапно появился опасный конкурент, который стал резко повышать цену покупки. Михаил Юрьевич встревожился, удвоил ставки, конкурент убрал, Прокушев дал в пять раз больше и подумал, что более не сможет повышать — не было денег. Следующий удар сразил его — конкурент поднял ставки до 20. Безумно, но Михаил Юрьевич ещё раз уплатил, доведя до 25. Тридцать — так поставил покупатель, и это был конец. Фотографическая карточка ушла к конкуренту.

Сказать, что Прокушев был расстроен, было нельзя — он был полностью смят этой неудачей. Его фото купили, оно станет чьей-то собственностью, им будут любоваться и даже с гордостью показывать гостям... какой ужас!

Но я же жив, жив, это я! Он хотел кричать, жестоко смущение овладело им. Лучше бы он никогда не видел этой фотографии, не узнал бы о ней...

Его возмутила подпись продавца, поясняющая, что это фото образца 1916 года и это неизвестный член Государственной Думы. Прокушев решился написать продавцу, что это никакой не думец, а он, Михаил Юрьевич Прокушев, скромный провинциальный адвокат с невинным увлечением... На ответ он особенно и не надеялся. Однако неожиданно продавец ответил и сообщил, что фото действительно подлинное, он подверг его даже экспертизе, да и на самом паспорте надпись — снято в фотостудии «Братия Булла» в 1916 году...

Михаил Юрьевич был озадачен. Как же он упустил эту деталь — подпись под фотографией, наверное, от волнения...

Делать было нечего. Или это правда, или чья-то дьявольская шутка, или какое-то странное совпадение. Прокушев вспомнил, что давно, когда ему было 25 лет, на улице в Москве его ограбил незнакомый господин, называвший его Андреем, тогда он не отозвался, господин нагнал его и стал осипать укоризнами, что нельзя уезжать без знакомых. Когда же Михаил Юрьевич сказал ему, что он с ним незнаком и он никакой не Андрей, господин потребовал объяснений, и Прокушев даже показал ему паспорт, чтобы тот отстал. Потом, правда, господин извинился за свои укоризны и рассказал, что он, Прокушев, как две капли воды похож на некоего Андрея из Новосибирска, кандидата наук...

Внезапно Михаил Юрьевич получил сообщение от продавца, который просил его прислать ему на почту свою фотографическую карточку. Прокушев исполнил его просьбу. Через какое-то время продавец написал, что просто поражён сходством, и признался, что про депутатскую думу придумал легенду намеренно, хотелось побольше получить за фото, а на самом деле фотография пришла из Перми, изображён на ней был кто-то из семьи князей Горенских...